

УДК 94(112.2)(47).084.8

НЕМЦЫ СССР НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ

А. А. Герман

Саратовский государственный университет
E-mail: a.a.german@mail.ru

В статье исследуется такой феномен советской социалистической действительности, как специальное поселение («спецпоселение»). Автор рассматривает жизнь на спецпоселении советских немцев, составлявших самый многочисленный контингент спецпоселенцев. Рассматриваются образование и развитие немецкого спецпоселения, его правовые аспекты, жизнь немецкого населения на спецпоселении, причины и особенности снятия с немцев режима спецпоселения.

Ключевые слова: спецпоселение, спецпоселенцы, немцы, национальная дискриминация, ограничения в гражданских правах, депортация, трудовая армия, борьба за выживание.

Germans of the USSR on a Special Settling

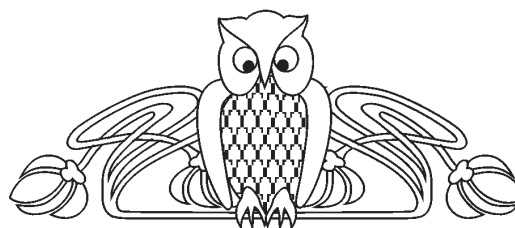
A. A. German

The article examines such a phenomenon of the Soviet socialist reality as special settling (a special regime when people are not allowed to leave the place of their living). The author studies the life of the Soviet Germans who made up the majority of special settlers. Education, the structure of German special settling, legal aspects and everyday life, reasons and peculiarities of withdrawing this regime are considered.

Key words: special settling, special settlers, Germans, national discrimination, restriction of civic rights, deportation, labor army, struggle for survival.

Спецпоселение – особый феномен в истории Советского Союза. Так назывался установленный государством порядок существования для «провинившихся» с точки зрения советского руководства целых народов и групп населения, в основе которого лежали насильственное переселение с исконных мест проживания и размещение в специально определённых для этого местностях, запрещение под угрозой уголовного наказания покидать установленный для проживания населённый пункт, ограничение целого ряда гражданских прав, декларировавшихся Конституцией СССР.

Свое начало спецпоселение ведёт с 1929–1930 гг. – годов сплошной коллективизации и раскулачивания. Именно тогда насильственное выселение, как один из многочисленных видов репрессий, приобрело массовый характер. В «отдалённые местности» Советского Союза (на Крайний Север, в Сибирь, Казахстан и другие места) в специальные «трудовые посёлки» были направлены десятки тысяч «кулаков» и «подкулачников» вместе с семьями. В 1931 г. в недрах НКВД создаётся специальное ведомство – Отдел по спецпереселенцам ГУЛАГа НКВД, которое стало осуществлять надзор за переселёнными лицами, организовало их «трудовое перевоспитание»¹.

Во второй половине 1930-х гг. на спецпоселения были направлены так называемые «неблагонадёжные элементы» из приграничных районов. В частности, в 1936 г. из приграничных районов Украины и Белоруссии было переселено в Казахстан 15 тыс. польских и немецких семей, в 1937–1939 гг. тысячи семей турок, иранцев, курдов, корейцев и других потенциально «враждебных» народов были выселены из приграничных районов Закавказья, Средней Азии, Дальнего Востока².

В 1941 г. в местах спецпоселения под надзором теперь уже Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД находилось 936,5 тыс. человек, подавляющее большинство которых составляли «бывшие кулаки» с семьями³.

28 августа 1941 г. в рамках подготовки к массовым переселениям советских немцев из европейской части СССР в Сибирь и Казахстан приказом наркома внутренних дел Л. Берии в НКВД был создан новый Отдел спецпереселенцев, подчинявшийся теперь уже не руководству ГУЛАГа, а непосредственно наркому. Его руководителем был назначен майор госбезопасности И. Иванов. Отдел создали «для разработки вопросов специального переселения, обеспечения мероприятий по перевозкам переселяемых и наблюдению за устройством их в местах расселения». Отдел организовывал и проводил все депортации советских немцев, проводившиеся с сентября 1941 г.⁴

Формирование и развитие немецкого спецпоселения. Режим спецпоселения для немцев СССР формировался постепенно в течение всех военных лет. Прибывшие по депортации в Сибирь и Казахстан немцы, особенно бывшие городские жители, на первых порах могли перемещаться внутри районов и даже из одного района в другой, отыскивая себе сносные места для жизни и работы. Некоторым из них удалось осесть в областных и краевых центрах, других крупных городах. В ноябре 1941 г. майор И. Иванов, докладывая наркому Л. Берии о ходе расселения депортированных немцев, отмечал, что многих переселенцев «можно видеть в районных, городских и областных центрах, занимающихся поисками для себя работы по специальности»⁵. Массовые случаи самовольного переезда немцев из района в район осенью 1941 г. отмечались практически в каждом донесении, поступавшем из краевых и областных управлений НКВД в центр.

Руководители местных управлений НКВД ходатайствовали о принятии законодательных актов, которые могли бы ограничить эти перемещения.

И хотя специально такие акты в то время приняты не были, однако по партийной линии обкомам, горкомам, райкомам прошла команда повысить политическую бдительность, принять меры, чтобы немцы не занимали каких-либо руководящих постов, не работали на важных с точки зрения государственной безопасности объектах. К таким объектам причислялись не только заводы и фабрики, но даже мелкие предприятия и учреждения, например, столовые, больницы и т. п. Основная масса депортированных немцев, за исключением ценных специалистов, должна была находиться в колхозах.

В качестве негативного примера «полной потери политической бдительности» местным партийным и советским руководством приводился пример Шипуновского района Алтайского края. Там райком партии и райисполком назначили немцев на должности заведующих общим отделом райисполкома, районным отделом коммунального хозяйства, дорожным отделом, директором райпищепромкомбината, заведующим районной больницей, председателем районного общества Красного Креста и др. «Указанные лица, пользуясь своим служебным положением и отсутствием контроля со стороны райкома ВКП(б) и райисполкома, в течение месяца приняли на работу в эти организации до 80 человек немцев-переселенцев...» В результате в районе «на откуп немцам» была отдана «вся медработа», «резка и сушка картофеля для РККА» и др. Вполне естественно, что после того как этот пример стал достоянием краевого руководства, последовали немедленные организационные выводы. Было сменено руководство района, а все немцы, о которых говорилось выше – уволены и направлены в колхозы⁶.

В этот же период времени был сфабрикован целый ряд дел против немцев, которым удалось устроиться на работу на военные предприятия или вольнонаёмными в воинские части. Все они были арестованы и уволены с мест работы. Так, например, на одном из военных заводов в г. Томске были арестованы немцы П. Меель, Я. Крюгер, Н. Фат и др., в г. Искитим арестовали молодую немку Э. Якель, работавшую в местной авиационной воинской части. Всем им было предъявлено стандартное обвинение в шпионаже в пользу Германии, в подготовке диверсий⁷.

К началу 1942 г. даже те немногие немцы, которым удалось найти более или менее приличную работу в городах и районных центрах, в большинстве своём были вновь отправлены в колхозы.

После проведённых в 1942 г. массовых мобилизаций всего трудоспособного немецкого населения, как депортированного, так и местного в «Трудовую армию», в местах проживания остались лишь старики, инвалиды, дети до 15–16 лет, женщины, имевшие детей в возрасте до 3 лет. Они оказались в тяжелейшем материальном положении, поскольку большинство их было нетрудоспособно, не имело своего жилья, государства же никакой помощи им не оказывало. Дети, оставшиеся без

родителей, должны были «воспитываться колхозами». Колхозам, оставшимся без мужчин, ушедших на фронт, задыхавшимся под тяжестью непосильных норм сдачи продовольствия, было не до них. Большинство из детей либо попали в детские дома, либо стали беспризорниками. Только за период с марта 1944 по октябрь 1945 гг. органами НКВД были выявлены и устроены в детские дома свыше 2900 беспризорных детей из семей трудармейцев, обнаружены и отправлены в инвалидные дома 467 инвалидов и бездомных стариков-немцев⁸.

Между тем с 1943 г. общее число спецпереселенцев начало быстро расти – за счёт депортации целого ряда народов европейской части СССР, обвинённых в сотрудничестве с оккупантами и пособничестве им. В 1943–1944 гг. в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию было переселено 92 тыс. калмыков, 228,4 тыс. жителей Крыма (татар, армян, греков, болгар и др.), 608,7 тыс. жителей Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и др.), 95 тыс. жителей Грузии и др. Началось с 1944 г. и продолжалось в послевоенные годы переселение тысяч граждан Западной Украины («оуновцев»), Прибалтики (эстонцев, латышей, литовцев и др.)⁹.

Новые спецпоселенцы в «Трудовую армию» не мобилизовывались, всё взрослое население трудилось по месту жительства, главным образом в колхозах. Жестокость, с которой осуществлялось переселение, неустроенность жизни на новых местах, злоупотребления и произвол местных органов власти привели к высокой смертности, вызвали массовое возмущение и протесты. В местах расселения спецпоселенцев резко возросло число происшествий, тяжких преступлений, многие из которых носили откровенно политический характер. В отдельных случаях имели место открытые антисоветские выступления. Несомненно, остроту ситуации придавал и южный темперамент новых спецпоселенцев. Всё это заставило руководство СССР более конкретно заняться политико-правовыми и организационными вопросами спецпоселения, которые, естественно, коснулись и немцев.

8 января 1945 г. Совет народных комиссаров СССР принял два закрытых постановления: «Об утверждении положения о спецкомендатурах НКВД» и «О правовом положении спецпереселенцев»¹⁰.

В первом постановлении отмечалось, что в целях обеспечения «государственной безопасности, охраны общественного порядка и предотвращения побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроля за их хозяйственно-трудовым устройством» в местах спецпоселения НКВД создаёт спецкомендатуры. Спецкомендатуры подчиняются территориальным органам НКВД.

В обязанности спецкомендантов входили организация учёта и надзора за спецпереселенцами, поиск беглецов, предотвращение и пресечение беспорядков в местах проживания спецпереселенцев. Коменданты должны были осуществлять контроль

над хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев, приём от них жалоб и заявлений и принятие по ним соответствующих мер, выдачу спецпереселенцам, в силу уважительных причин, временных разрешений на выезд за пределы зоны действия комендатуры, без права выезда из района проживания. Комендантам также предоставлялось право налагать на провинившихся спецпереселенцев административные взыскания в виде штрафа до 100 руб. и ареста до 5 суток.

Второе постановление Совнаркома обязывало всех спецпереселенцев заниматься общественно-полезным трудом, строго выполнять установленный для них режим и общественный порядок, подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур. Запрещалось без разрешения коменданта отлучаться за пределы территории, обслуживаемой комендатурой. Самовольная отлучка приравнивалась к побегу и влекла за собой уголовную ответственность. Главы семей спецпереселенцев должны были в трёхдневный срок сообщать в комендатуру обо всех изменениях, происшедших в семье (рождение ребёнка, смерть или побег кого-либо из членов семьи и т. п.)

Постановления Совнаркома СССР о спецпереселенцах были дополнены рядом ведомственных документов НКВД. Реализация всех этих документов, по сути дела, привела к политико-правовому и организационному оформлению режима спецпоселения, под который попали сотни тысяч советских граждан. Их жизнь стала ещё более регламентированной, а права ограниченными.

На завершающем этапе войны и сразу после её окончания число спецпоселенцев-немцев начало быстро расти, во-первых, за счёт репатриантов (около 200 тыс.) и, во-вторых, за счёт ликвидации «Трудовой армии».

В марте 1946 г. Совнарком СССР дал указание наркоматам, где функционировали трудармейские подразделения, расформировать рабочие отряды и колонны из мобилизованных советских немцев, ликвидировать «зоны», что означало конец «Трудовой армии». Однако все бывшие трудармейцы получали статус спецпоселенцев и как крепостные прикреплялись к своим предприятиям, строительству, лагерям. Им разрешили вызвать и помочь перевезти к себе свои семьи, они получили возможность проживать в общежитиях и на частных квартирах, строить или покупать себе жильё. В районах проживания бывших трудармейцев и прибывших к ним семей создавались спецкомендатуры. Лишь небольшому числу бывших трудармейцев разрешили покинуть свои предприятия и возвратиться в места, откуда их мобилизовали в 1942 г. В это число попали инвалиды, женщины старше 45 лет и матери, у которых остались беспризорные дети, а также мужчины старше 55 лет.

Следствием отмеченных выше решений советского руководства стали активные миграционные процессы среди немецкого населения СССР, имевшие место в 1946–1947 гг. За счёт прибытия семей

резко возросло число немцев на бывших объектах «Трудармии», то есть на заводах, фабриках, стройках. За счёт этого значительно возросло городское немецкое население и частично сократилось сельское, хотя оно и продолжало оставаться преобладающим. Географически немецкое спецпоселение значительно расширилось. Произошла своего рода диффузия немцев из районов первоначального последепортационного расселения в Западной Сибири и Казахстане в целый ряд других регионов: на Урал и европейский Север, в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, в Среднюю Азию и некоторые другие регионы.

Именно после проведённых сразу после войны перемещений немцев немецкое спецпоселение приобрело окончательно сформировавшийся вид. По данным НКВД, на 15 июля 1949 г. численность немцев, как самостоятельного контингента спецпоселения, составляла 1 093 490 человека¹¹. В это число не входило свыше 100 тыс. немцев – не подвергавшихся депортации местных жителей Урала, Сибири, Дальнего востока, Казахстана, Средней Азии и некоторых других регионов. Этим людям «повезло», на них режим спецпоселения не распространялся. Однако это везение оказалось недолгим.

Где бы ни проживали советские немцы: в городах и сёлах, где бы ни работали: в промышленности, строительстве, на транспорте или в сельском хозяйстве, их жизнь и труд были чрезвычайно тяжёлыми, что обуславливало низкую рождаемость и высокую смертность. Так, только в Казахстане с апреля 1944 по июль 1949 гг. умерло 19,5 тыс. человек – около 8% от всех проживавших там немцев. Как следует из документов НКВД (МВД), основная причина всех смертей – тяжёлые материальные и жилищные условия, голод, вспышка тифа в 1944 г. Всего, по данным того же ведомства, очевидно, далеко не полным, с 1 января 1942 г. по 1 октября 1948 г. родилось 25,8 тыс., умерло 45,3 тыс. немцев¹². Даже эти, далеко не точные, данные красноречиво показывают, что уровень смертности немцев в годы войны почти в 2 раза превышал уровень рождаемости. Такое могло происходить только при очень тяжёлых условиях жизни.

Ужесточение режима, дискриминация немцев. Советский народ, вынесший нужду предвоенных лет и невиданные тяготы военного времени, надеялся, что добытая им с таким трудом и жертвами победа коренным образом изменит жизнь к лучшему. Чаяния людей не ограничивались лишь условиями материального благосостояния, что было, безусловно, главным, но они верили, что отпадёт надобность в политических и идеологических ограничениях. Однако Сталин не собирался идти на уступки. Ответом на надежды народа, на его стремление к демократии, свободе стали новые репрессии.

С возвращением к мирному труду власти постепенно ужесточают контроль над всеми сферами общественной жизни. Одна за другой следуют идеологические и политические кампании, спрово-

ждающиеся массовыми репрессиями. Крестьян репрессировали «за нарушение Устава сельхозартели», рабочих – «за нарушение трудовой дисциплины», интеллигенцию – «за буржуазное перерождение и преклонение перед иностранщиной». В 1945–1948 гг. в тюрьмах, лагерях и на спецпоселении оказались сотни тысяч бывших военнопленных и людей, сотрудничавших с оккупационным режимом. В документах НКВД и МГБ они проходили как «власовцы»¹³.

Особый размах репрессии приняли в 1948 г. 21 февраля 1948 г. советское руководство приняло секретное решение о том, что все лица, которые отбыли срок заключения после большого террора 1930-х гг., вновь должны быть осуждены или отправлены на вечное спецпоселение. В это число вошли также дети пострадавших, которые к тому времени достигли совершеннолетия. 2 июня 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за уклонение от общественно-полезного труда и за ведение антиобщественного паразитического образа жизни в сельском хозяйстве». Его применяли к колхозникам, не выработавшим установленного количества трудодней. По этому указу на спецпоселение были отправлены свыше 33 тыс. человек. Туда же широким потоком продолжали поступать «оуновцы» из Западной Украины и Западной Белоруссии, «кулацкие и контрреволюционные элементы» из Прибалтики, Бессарабии и др. Общее число спецпоселенцев быстро росло¹⁴.

Естественно, что как старые, так и новые спецпоселенцы были недовольны своим положением, поскольку считали его несправедливым, тем более, что война закончилась и началась мирная жизнь. Одной из форм протеста стали побег из мест спецпоселения, в среде спецпоселенцев увеличилось число «антисоветских проявлений», уголовных преступлений. На эти факты власти ответили новыми карательными мерами.

26 ноября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР издал под грифом «Совершенно секретно» Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны». В Указе прямо и недвусмысленно устанавливалось, что немцы, как и все другие народы, отправленные на спецпоселение в годы войны, переселены туда «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». Указ повторил пункт постановления Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. о том, что за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Однако если постановление СНК СССР предусматривало наказание в соответствии с действующим советским уголовным законодательством, то Указ от 26 ноября определил для спецпоселенцев, нарушавших режим, особую, универсальную на все случаи, драконовскую меру наказания – 20 лет каторжных работ. Такого вида

уголовного наказания, как каторга, даже не было в советском законодательстве, хотя жизнь и труд многих сотен тысяч советских людей в сталинских лагерях были ничем иным как каторгой, в ее до-революционном понимании.

Дела в отношении побегов спецпоселенцев теперь должны были рассматриваться не обычными судами, а внесудебным органом – Особым Советом при Министерстве внутренних дел СССР, славившимся своей необычайной жестокостью. Лицам, оказывавшим помощь беглецам в побеге, укрывавшим их и помогавшим обосновываться в местах прежнего жительства, также предусматривалось единое универсальное наказание – 5 лет лишения свободы¹⁵.

Весть о принятии Указа Президиума Верховного Совета СССР стала для спецпоселенцев тяжёлым ударом. Всё-таки большинство из них питало надежду, что после окончания войны режим спецпоселения постепенно будет отменён или, по крайней мере, смягчён. Теперь же надеяться было не на что. В местах спецпоселения применение Указа от 26 ноября 1948 г. имело тяжёлые последствия. Теперь ещё больше, чем когда-либо, судьба спецпоселенцев была в руках спецкоменданта, поскольку от него во многом зависело, какие действия спецпоселенцев можно было расценить как побег. Резко возросло число арестованных и осуждённых. Многие из них, в том числе старики и женщины, были осуждены на 20-летнюю «каторгу» в лагерях лишь за то, что позволили себе, к примеру, самовольно выйти за пределы населённого пункта, чтобы навестить родственников в соседнем селе, либо сходить в лес за грибами и ягодами. Начались самые трудные годы спецпоселения, которые продолжались вплоть до смерти Сталина и начала «оттепели» в нашей стране.

В 1949–1953 гг. продолжался рост спецпоселения за счёт включения в него новых групп советских граждан. В 1949 г. были переведены на режим спецпоселения немцы – местные жители Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и некоторых других регионов – всего свыше 100 тыс. человек. Они составили подконтингент – «местные». В том же году была проведена «чистка Черноморского побережья» (условное название спецоперации). В результате из Грузии, Армении, Азербайджана, Северного Кавказа, Крыма и Южной Украины на спецпоселение поступило 57,7 тыс. человек. В 1950 г. из Грузии было отправлено на спецпоселение около 5 тыс. местных иранцев, из Средней Азии – около 3 тыс. «бывших басмачей» с семьями.

В 1951 г. из западных районов Украины и Белоруссии на спецпоселение отправились «андерсовцы» – бывшие военнослужащие польской армии генерала Андерса, репатриированные после войны в СССР из Великобритании – около 4 тыс. человек. 23 июля 1951 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об ответственности за уклонение от общественно-полезного труда и

за ведение паразитического образа жизни». Этим указом советское руководство боролось с такими проявлениями, «нетипичными для социалистического общества», как бродяжничество, попрошайничество, проституция и т. п. Жертвы этого указа также пополнили ряды спецпоселенцев. Существовали и иные каналы пополнения спецпоселения¹⁶.

В результате на 1 января 1953 г. на учёте спецпоселения числилось 2 753,4 тыс. человек. Среди них контингент «немцы» составлял 1 224,9 тыс. человек, то есть 44,5%. Это был самый крупный контингент спецпоселения. Следовавший за ним второй по численности контингент «с Северного Кавказа» (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и др.) насчитывал 498,4 тыс. человек и составлял всего 18%¹⁷.

Внутри контингента «немцы» существовало следующее деление на подконтингенты: выселенные – 855,8 тыс., репатриированные – 208,4 тыс., местные – 111,3 тыс., мобилизованные – 48,5 тыс., другие – 0,9 тыс. Кроме того, немцы имелись и в некоторых других контингентах спецпоселенцев и в категориях репрессированных. 160 человек числились в категории ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных, 427 – в контингенте «из Крыма», свыше 2 тыс. – в контингенте «власов-

цы», 38 немцев – в контингенте «поляки», около 1 тыс. в контингентах «фольксдойче», «немецкие пособники» и др. В это же время (по состоянию на 1 января 1953 г.) в заключении (в тюрьмах и лагерях) находилось 13,9 тыс. советских немцев. По мере освобождения они направлялись в места спецпоселения их родных и близких¹⁸.

География немецкого спецпоселения в СССР была весьма широка. В РСФСР проживало 707,2 тыс. немцев. Распределялись по республике они крайне неравномерно. Больше всего их было в Западной Сибири (338,1 тыс.), на Урале (198,6 тыс.), значительно меньше в других регионах. Тем не менее, немецкое спецпоселение существовало практически во всех регионах даже там, откуда немцы в 1941 г. депортировались. В европейской части РСФСР насчитывалось 83,3 тыс. немцев-спецпереселенцев.

Из других союзных республик больше всего немцев имелось в Казахстане – 448,6 тыс. человек. По территории республики они были распределены более или менее равномерно. Достаточно много немцев проживало в Таджикистане – 28,2 тыс., в Киргизии – 15,7 тыс.¹⁹

Немцы работали в самых различных отраслях народного хозяйства страны, что видно из таблицы.

Распределение дееспособного немецкого населения по основным отраслям народного хозяйства СССР в 1953–1955 гг., % от всех работавших²⁰

Отрасль народного хозяйства	Немцы, работавшие в отрасли, %
Сельское хозяйство	51,5
Угольная промышленность	11,2
Строительство	6,9
Лесная промышленность	6,0
Местная промышленность	5,0
Металлургическая промышленность	3,6
Нефтяная промышленность	2,6
Железнодорожный транспорт	1,5
Бумажная и деревообрабатывающая промышленность	1,4
Другие отрасли	10,3

Если до войны свыше 90% немцев СССР занималось сельским хозяйством и проживало в селе, то после войны ситуация кардинально изменилась. Почти половина трудоспособного населения стала работать в различных отраслях промышленности, на транспорте и в строительстве. Это прямое следствие мобилизации в «Трудовую армию». По сути дела, и после ликвидации рабочих отрядов и колонн бывшие трудармейцы продолжали в течение целого ряда лет работать на тех же объектах, куда когда-то были мобилизованы.

Все 15 лет существования спецпоселения (1941–1955 гг.) немецкое население СССР, расплывшее на огромной территории страны, было полностью лишено каких-либо возможностей поддерживать и сохранять свою национальную идентичность. Вокруг него была создана такая морально-психологическая атмосфера, что на работе, в общественных местах немцы вынуждены были говорить на русском языке, и только дома, в тесном семейном кругу, они могли позволить себе объяс-

няться по-немецки. Не было возможности ни читать, ни писать на родном языке, тем более немцы не имели возможность сохранять свои традиции и обычаи, народную культуру (обряды, песни, танцы и т. п.). Фактически под запретом была религиозная жизнь. Особенно отрицательно всё это сказывалось на молодом поколении – детях, родившихся перед войной, в годы войны и в послевоенные годы. Они были лишены возможности не только обучаться на родном языке, но даже изучать его.

Тяжёлая жизнь и работа, постоянная борьба за выживание не давали возможности родителям уделять своим детям должное внимание, тем более передавать им традиции национальной культуры. Да и сами взрослые, вынужденные адаптироваться к новым условиям жизни, постепенно теряли многие свои национальные черты, формируя новые привычки, усваивая и перенимая обычаи и нравы, элементы быта и культуры окружающего населения. Медленнее эти процессы шли в сельской местности, особенно в районах традиционного

проживания немцев в Сибири, Казахстане, Средней Азии, быстрее – в городах, рабочих посёлках, там, где немцев было мало.

На спецпоселении немцы подвергались не только национальной дискриминации, они были лишены многих общегражданских прав, их жизнь постоянно наталкивалась на различного рода ограничения и запреты, часто просто абсурдные. Это вынужден был признать даже министр внутренних дел СССР С. Круглов в 1953 г.: «На местах зачастую ущемляется правовое положение спецпоселенцев: без надобности создаётся излишне жестокий режим, запрещается свободное передвижение по жизненно необходимой для спецпоселенцев территории, устанавливается частая регистрация в спецкомендатуре, создаются препятствия к выездам в командировки, на лечение и учёбу, что влечёт за собой подачу ими большого количества жалоб»²¹.

Спецпоселенцы не имели паспортов, что фактически делало их изгоями в обществе, затрудняло устройство на работу, получение почтовых отправок и т. п. Кроме того, спецпоселенцы не призывались на военную службу, им не разрешалось работать в милиции и других силовых структурах. Они не могли занимать сколько-нибудь важные посты и должности в государственных органах и учреждениях, в сферах народного хозяйства, здравоохранения, образования, культуры. Дети спецпоселенцев состояли на «посемейном» учёте с момента рождения до исполнения им 16 лет. После этого их ставили на персональный учёт, то есть они становились «полноценными» спецпоселенцами. Хотя формально молодые спецпоселенцы и не были лишены права получать высшее или специальное среднее образование, однако подавляющее большинство их не могло поступать в вузы и техникумы, так как практически все эти учебные заведения находились за пределами зон спецпоселения, а выезд из зон запрещался.

Чем дальше после войны сохранялось спецпоселение, тем всё яснее становилась его ненужность, абсурдность и даже вред, поскольку оно искусственно делило граждан СССР на два сорта и тем самым мешало стабилизации советского общества. В центральные партийные и государственные органы Советского Союза от спецпоселенцев шёл огромный поток писем, в которых люди пытались убедить власти в своей лояльности, просили снять спецпоселение или, по крайней мере, ликвидировать некоторые, наиболее унизительные ограничения. Так, например, молодая женщина-немка Екатерина Гааг, ходатайствуя о снятии с себя ограничений по спецпоселению, писала, что её принадлежность к немецкой национальности не может являться основанием для ограничения в правах: «Я никакого преступления не совершала. Всю свою жизнь честно и добросовестно трудилась на благо любимой Родины. Моё положение убивает меня морально»²².

Н. Диль, прося освободить его от спецпоселения, сообщал в своём обращении в правительство,

что «с начала Отечественной войны 1941 года по 1 сентября участвовал в боях за социалистическую Родину... Получил тяжёлое ранение и был отправлен в госпиталь. В настоящее время – инвалид Великой Отечественной войны, награждён медалью...»²³ М. Литавер, обращаясь к Председателю Совета Министров СССР, сообщал, что всю войну пробыл в «Трудовой армии», сейчас работает на угольной шахте в Воркуте. Его письмо заканчивалось следующими словами: «В 1954 году за образцовую и долготлетнюю работу в угольной промышленности Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР меня наградили орденом Ленина. Прошу Совет Министров СССР... снять меня со спецпоселения»²⁴.

Однако при жизни И. Сталина, когда спецпоселение постоянно росло, пополняясь всё новыми контингентами, о его ликвидации или даже просто смягчении не могло быть и речи.

Ликвидация немецкого спецпоселения. После смерти И. Сталина среди его окружения в высшем руководстве страны в течение нескольких месяцев шла борьба за лидерство. Некоторое время в этой борьбе ведущие позиции занимал Л. Берия. В то время он являлся заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром внутренних дел и государственной безопасности. Получая постоянную информацию от подчинённых органов госбезопасности, Л. Берия очень хорошо знал ситуацию в обществе, «болевые точки» советской системы. Вместе с руководителем правительства Г. Маленковым буквально с весны 1953 г. он начал проведение ряда достаточно радикальных для того времени реформ, среди них – некоторое смягчение репрессивной системы. В числе прочих мер было выработано предложение высшему руководству страны о значительном сокращении контингента спецпоселения и снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев. 26 июня 1953 г. Л. Берия был арестован, а большинство начатых им реформ приостановлено. Что же касается реформы системы спецпоселения, то преемник Л. Берии на посту министра внутренних дел С. Круглов, тем не менее, не только сохранил подготовленный проект, но и, несколько доработав его, в сентябре 1953 г. представил этот документ в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР²⁵.

Документ исходил из нецелесообразности сохранения в дальнейшем столь огромного (около 3 млн человек) контингента спецпоселения. Это объяснялось тем, что «в результате упрочения советского общественного и государственного строя укрепились законность и социалистический правопорядок, а основная масса спецпоселенцев положительно относится к мероприятиям Советской власти, честно трудится, прочно осела на жительство в местах поселений и принимает активное участие в общественной и хозяйственной жизни страны...»²⁶

Всего предлагалось снять с учёта спецпоселения около 2 млн человек. Большую часть этого

контингента должны были составить советские немцы, выселенные в 1941 г. из европейской части СССР и постоянно проживавшие в других регионах страны. Кроме того, со спецпоселения снимались некоторые другие народы и социальные группы, выселение которых осуществлялось перед войной и в военные годы: калмыки, поляки, греки, турки, курды, хамшилы и др., а также все бывшие раскулаченные, выселенные в 1929–1931 гг. из районов сплошной коллективизации, все отправленные после войны в места спецпоселения «за паразитический образ жизни» и некоторые другие.

С учёта спецпоселения предлагалось также снять всех детей, которым к моменту их депортации не исполнилось 18 лет (и в дальнейшем детей спецпоселенцев на учёт не ставить), коммунистов, комсомольцев, орденосцев с семьями, членов семей погибших при защите Родины, пожилых людей (женщин старше 55, мужчин старше 60 лет), инвалидов.

Руководство МВД предлагало также отменить целый ряд документов, на основании которых все эти люди оказались на спецпоселении.

В документе специально оговаривалось, что освобождение со спецпоселения не влечёт за собой возврат бывшим спецпоселенцам их имущества, оставленного при депортации. Особо следует отметить, что документ МВД не содержал никаких предложений о запрете бывшим спецпоселенцам возвращаться к местам додепортационного проживания. Вместе с тем, органам власти всех уровней предлагалось принять меры к тому, чтобы освобождённые от спецпоселения остались жить на прежних местах, в том числе предоставлять бывшим спецпоселенцам долгосрочные (на срок до 10 лет) ссуды на строительство жилья размером до 10 тыс. рублей, распространить на них действие ряда льгот, предусмотренных для районов Крайнего Севера и Сибири.

Оставить на спецпоселении предлагалось около 800 тыс. человек. Однако оставить не «навечно», а на срок 5 лет. В это число спецпоселенцев, кроме северокавказских народов, крымских татар, «оуновцев», «антисоветского элемента», выселенного после войны из Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии, некоторых других категорий, входили также советские немцы-репатрианты. По документу их насчитывалось 138,7 тыс. человек²⁷.

Предложение об оставлении перечисленных выше категорий населения на спецпоселении обосновывалось тем, что «среди этих спецпоселенцев наиболее остро проявляются враждебные настроения».

Предлагалось также существенно смягчить сам режим спецпоселения. Спецпоселенцам разрешалось беспрепятственно менять место жительства в пределах района, ставя об этом в известность спецкоменданта; с разрешения соответствующих местных управлений МВД они получали возмож-

ность менять место жительства в пределах области, края, республики, совершать временные выезды за пределы мест спецпоселения. Перерегистрацию спецпоселенцев с их личной явкой в спецкомендатуру намечалось проводить один раз в 3 месяца.

Предлагалось отменить репрессивные статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., а всех осуждённых по этому указу – освободить со снятием судимости. За нарушение режима спецпоселения виновные должны были нести ответственность в соответствии с действующим уголовным законодательством. Отменялся арест, как административная мера наказания спецпоселенцев.

Наряду с рассмотренным выше документом МВД СССР подготовило и передало в соответствующие инстанции проекты постановления Совета министров СССР и Указа Президиума Верховного Совета СССР об отмеченных выше изменениях в системе спецпоселения. Если бы предложения МВД были реализованы, то подавляющая часть советских немцев (за исключением репатриантов) могла бы быть освобождена от режима спецпоселения ещё до конца 1953 г. Но этого, к сожалению, не произошло. Советское руководство побоялось идти на столь радикальные меры. В какой-то мере сработал антибериевский синдром (ведь именно возглавлявшееся им ведомство разработало предложения), но всё же главным оказались опасения, что одновременное освобождение со спецпоселения столь большого числа людей может привести к массовому возвращению бывших спецпоселенцев в места прежнего жительства и вызвать там «враждебные действия», то есть столкновения с теми, кого переселили на эти места позднее, а также общую дестабилизацию обстановки. Именно в это время по всей стране заметно проявлялись элементы дестабилизации общественного порядка, связанные с амнистией и освобождением Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 мая 1953 г. (принятым по инициативе Л. Берии) около 1,2 млн уголовников, в том числе и рецидивистов, что также не могло не повлиять на характер принятого решения.

Высшее руководство страны в целом согласилось с предложениями МВД о необходимости поэтапной ликвидации спецпоселения, взяло за основу поступившие от этого ведомства предложения, однако внесло в них некоторые коррективы, растянув реализацию проекта на три с лишним года.

Лишь спустя почти год – 5 июля 1954 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев»²⁸. Постановление предусматривало поэтапное, достаточно медленное сокращение числа и категорий спецпоселенцев и некоторую либерализацию самого режима спецпоселения.

В соответствии с этим постановлением спецпереселенцы получили право свободного передви-

жения в пределах республики, края или области, в которых они проживали, они могли беспрепятственно выезжать в командировку, на лечение, в гости к родственникам и по другим уважительным надобностям в любую местность СССР на общих со всеми советскими гражданами основаниях. Личная явка на перерегистрацию теперь необходима была лишь один раз в год.

Этим же постановлением с режима спецпоселения были сняты все дети спецпоселенцев в возрасте до 16 лет, а также дети старше, обучавшиеся в высших и средних специальных учебных заведениях (таких среди всех спецпоселенцев оказалось всего 2,8 тыс. человек). Для немцев это означало освобождение около 400 тыс. человек²⁹.

13 августа 1954 г. вышло очередное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР в соответствии с которым режим спецпоселения был снят с «бывших кулаков» (отбывавших его ещё со времён коллективизации), а также с немцев – местных жителей Сибири, Дальнего Востока, Урала, Казахстана, Средней Азии и других мест, откуда не проводилась депортация, включая бывших трудармейцев этой категории. Таким образом, было освобождено от спецпоселения ещё 105,8 тыс. советских граждан немецкой национальности³⁰.

10 марта 1955 г. Совет Министров СССР обязал органы внутренних дел выдать спецпоселенцам паспорта гражданина СССР, ликвидировав, таким образом, существенный моральный элемент дискриминации этой категории советских граждан³¹.

23 марта 1955 г. по предложению министерств обороны и внутренних дел ЦК КПСС разрешил призыв значительной части категорий спецпоселенцев, в том числе немцев, на действительную военную службу, начиная с призывников 1936–1937 гг. рождения. В тот же день последовало соответствующее распоряжение Совета Министров СССР. При этом призывавшиеся на военную службу 19-летние юноши подлежали снятию с учёта спецпоселения. 9 мая 1955 г. с режима спецпоселения были сняты члены и кандидаты в члены КПСС со своими семьями. Их среди немцев оказалось около 5 тыс. человек³².

Таким образом, к весне 1955 г. от режима спецпоселения были освобождены свыше 500 тыс. советских немцев. В то же время ещё свыше 700 тыс. немцев продолжали свою жизнь в условиях спецпоселения. На рассмотренном этапе освобождение немцев осуществлялось в общем контексте политики нового советского руководства на постепенную ликвидацию института спецпоселения как составной части раздутой репрессивной системы сталинских времён. Однако постепенно появился и стал развиваться новый фактор, влиявший на судьбу советских немцев – внешнеполитический. Он был связан с тем, что начиная с 1954 г. СССР постепенно стал налаживать и развивать отношения с Федеративной Республикой Германией.

В то время СССР стремился не допустить вступления ФРГ в НАТО, её интеграции в со-

циально-экономические и военно-политические структуры Запада, а поэтому выступал за создание единой нейтральной Германии. 25 января 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией»³³. Этот Указ стал мощным толчком к активизации борьбы советских немцев за снятие с них ярма спецпоселения. Поток писем в различные партийные и государственные инстанции резко вырос. Только Председателю Совета Министров СССР Н. Булганину за период с февраля по июнь 1955 г. от спецпоселенцев-немцев поступило около 2 тыс. писем. Общее же количество таких писем в первом полугодии 1955 г. исчислялось десятками тысяч.

Настроение большинства советских немцев в тот период, пожалуй, наиболее точно выразил Н. Кильгаст, который писал Н. Булганину: «Уже 10 лет как окончилась война. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 г. восстановлены все права наших врагов – подлинных немцев. Я же только за то, что мои далёкие предки выходцы из немцев, до сих пор нахожусь на положении гражданина, ограниченного в правах неизвестно за что и на какой срок. Как-то всё это не вяжется с национальной политикой, проводимой нашей Партией и Правительством»³⁴.

В июле 1955 г. правительственные чиновники, изучив горы писем от спецпоселенцев, поступившие к тому времени в Совет Министров СССР, пришли к следующему выводу: «Жалобы спецпереселенцев на длительное ограничение их прав и содержание на учёте спецкомендатур МВД по признакам национальной принадлежности заслуживают внимания. Назрела, видимо, необходимость некоторого пересмотра имеющихся решений по вопросам спецпереселения». Однако тут же делалась существенная оговорка, что «одновременное освобождение всех спецпереселенцев со спецучёта в настоящее время вряд ли целесообразно, учитывая, что в ряде районов страны значительную часть рабочей силы на предприятиях и в сельском хозяйстве составляют спецпереселенцы (Воркута, Караганда, Ухта и др.) и, будучи снятые с учёта, многие из них могут выехать в другие районы страны, чем будет нанесён определённый ущерб народному хозяйству». Далее следовали рекомендации: «...было бы целесообразно осуществить постепенное, в течение ближайших лет, освобождение граждан со спецучёта, предусмотрев при этом определённые меры для трудового устройства и закрепления спецпереселенцев в местах поселения». Именно так и действовало советское руководство в дальнейшем в отношении спецпоселенцев³⁵.

Тем временем СССР и Западная Германия начали подготовку к установлению между собой дипломатических отношений. Одним из постановочных вопросов, выдвинутых в этом контексте правительством ФРГ к своему партнёру по переговорам, стал вопрос освобождения и возвращения на родину ещё находившихся в

Советском Союзе германских военнопленных и гражданских лиц, насильственно вывезенных в СССР в конце войны и в первые послевоенные месяцы. К категории «гражданские лица» были отнесены и те советские немцы-репатрианты, которые в 1943–1945 гг., находясь на территории Германии, получили германское гражданство. Это гражданство было признано законом ФРГ от 22 февраля 1955 г.³⁶

На переговорах К. Аденауэра и Н. Булганина, проходивших в Москве в сентябре 1955 г., германский канцлер назвал число – свыше 130 тыс. немцев, получивших в годы войны германское гражданство, от которых в период после смерти Сталина были получены заявления об их желании выехать из СССР. Советское руководство, застигнутое врасплох такими масштабными претензиями, вынуждено было дать обещание выпустить этих немцев из СССР. При этом была сделана оговорка, что следует ещё установить реальное существование этих 130 тыс. лиц, пожелавших вернуться в Германию³⁷.

Дипломатические отношения были установлены, однако из идеологических и политических соображений советское руководство не могло допустить массового выезда из страны своих граждан, добровольно решивших променять советский «рай» на «капиталистическое рабство» и потому в дальнейшем чинило им всяческие препятствия. Одновременно, как это не раз бывало и раньше, развернулась кампания по обработке немецкого населения СССР в духе «советского социалистического патриотизма». Для успеха кампании необходимо было, во-первых растворить немцев-репатриантов в общей массе остального немецкого населения СССР, гораздо более лояльного к советскому режиму, во-вторых, в целом изменить условия жизни немцев к лучшему.

Вот почему советские немцы, по существу, стали первой национальной группой, снятой с режима спецпоселения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. со всех без исключения оставшихся к тому времени на спецпоселении немцев были сняты предусмотренные этим режимом ограничения³⁸. Освободив немцев от спецпоселения, руководство страны, тем не менее, сохранило в отношении них ряд дискриминационных мер. В указе специально оговаривалось, «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». Кроме того, в указе были полностью проигнорированы права немцев, как национального меньшинства, на удовлетворении своих потребностей в сохранении языка, культуры, традиций и т. п. Тем не менее, ликвидацию немецкого спецпоселения следует расценивать как существенный шаг вперёд к уравниванию немцев в правах с другими советскими гражданами.

Оно стало исходной точкой очень медленной, крайне непоследовательной и противоречивой государственной реабилитации немцев, продолжавшейся все последующие годы.

Примечания

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. История фондообразователя.
- ² См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 122–132.
- ³ Там же. С. 144.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. История фондообразователя.
- ⁵ Там же. Ф. 9471. Оп. 1. Д. 83. Л. 171.
- ⁶ Там же. Д. 84. Л. 87–88.
- ⁷ См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 245, 256.
- ⁸ См.: Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в «Трудовой армии». М., 1998. С. 120.
- ⁹ Подробнее см.: Земсков В. Н. Указ соч. С. 144–176.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–55 об.
- ¹¹ См.: Земсков В. Н. Указ. соч. С. 233.
- ¹² См.: Бугай Н. Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР : трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос : вехи истории. М., 1994. С. 89.
- ¹³ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 186–192.
- ¹⁴ Там же. С. 214.
- ¹⁵ Текст Указа см.: История российских немцев в документах. М., 1993. С. 176.
- ¹⁶ См.: Земсков В. Н. Указ соч. С. 232–236.
- ¹⁷ Там же. С. 285.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 286–303. Выборка сделана автором.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 199.
- ²¹ Там же. Д. 896. Л. 7.
- ²² Там же. Л. 36–37.
- ²³ Там же. Л. 151.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 15.
- ²⁶ Там же. Л. 7.
- ²⁷ Там же. Л. 10.
- ²⁸ Там же. Л. 200.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 32.
- ³² Там же. Л. 154.
- ³³ Там же. Л. 148.
- ³⁴ Там же. Л. 147.
- ³⁵ Там же. Л. 153.
- ³⁶ См.: Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отечественная история. 1996. № 3. С. 115.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Текст Указа см.: История российских немцев в документах. М., 1993. С. 177.